

НОКТУМ. ГОД БЕЗ РАССВЕТА

Daniil Antonov

Daniil Antonov

НОКТУМ. ГОД БЕЗ РАССВЕТА

«Автор»

2026

Antonov D.

НОКТУМ. ГОД БЕЗ РАССВЕТА / D. Antonov — «Автор», 2026

Пять лет Айзек видит один и тот же кошмар — бесконечный готический город, в котором никогда не наступает рассвет. На шестой год Ноктум открывает ему дверь. Здесь чудовища ходят на работу, растят детей и боятся людей не меньше, чем люди боятся их. Ведь появление человека запускает отсчёт: если Айзек проживёт в Ноктуме триста шестьдесят пять ночей, город исчезнет вместе со всеми своими обитателями. Теперь за ним охотятся Собиратели Света, улицы меняют направление, а башня отмечает каждый прожитый день. Единственной, кто решается спрятать Айзека, становится Алисия — девушка с серебряными глазами, которая при первой встрече должна была его убить. Чтобы найти выход, им придётся раскрыть тайну Ноктума и понять, что страшнее: чудовища, скрывающиеся во тьме, или страх, на котором держится целый мир. «Ноктум. Год без рассвета» — готический мистический роман о выживании, одиночестве, памяти и чувстве, способном стать спасением или последней ценой.

© Antonov D., 2026

© Автор, 2026

Daniil Antonov

НОКТУМ. ГОД БЕЗ РАССВЕТА

НОКТУМ

ГОД БЕЗ РАССВЕТА

готический мистический роман

Автор — Daniil Antonov

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Сон, который не кончается

Часть первая. Дорога, которой не было

Глава 1. Коллекционер тьмы

Глава 2. Тринадцать свечей

Глава 3. Город без рассвета

Глава 4. Девушка с ножом

Глава 5. Неделя, которой не было

Глава 6. Городские правила

Глава 7. Квартира над пустым кинотеатром

Глава 8. Те, кто живут рядом

Глава 9. Праздник без гостей

Часть вторая. Город считает

Глава 10. Чёрные фонари

Глава 11. Долг Мирона

Глава 12. Архив потерянных дверей

Глава 13. Тридцатый удар

Глава 14. Имя, которое остаётся

Часть третья. Там, где нет края

Глава 15. Подарок без цены

Глава 16. Улицы, которых нет

Глава 17. Ужин у Эдды

Глава 18. Церковь последнего фонаря

Глава 19. Станция, где никто не выходит

Глава 20. Шестьдесят второй удар

Глава 21. Дом без лестницы

Глава 22. Письма из Нижнего Рынка

Глава 23. Долг с чужим адресом

Глава 24. Без маски

Глава 25. Комната под рынком

Глава 26. Вода, которая помнит имена

Часть четвёртая. Сердце Ноктума

Глава 27. Под башней

Глава 28. Зов земли

Глава 29. Цена памяти

Глава 30. Магазин на сгоревшей улице

Глава 31. Не обещание

Часть пятая. Последние улицы

Глава 32. Пепельный квартал

Глава 33. Последняя доставка Мирона

Глава 34. Право на страх

Глава 35. Те, кого помнят

Глава 36. Последний рынок

Глава 37. Триста шестьдесят четвёртый

Глава 38. Охотник

Часть шестая. После последнего удара

Глава 39. Покой, который не спасает

Глава 40. После первого удара

Эпилог. Город, который всё помнит

Пролог. Сон, который не кончается

Во сне Айзек всегда стоял перед городом.

Город начинался не за воротами и не за мостом — он начинался сразу за последним ударом собственного сердца. Стоило Айзеку во сне вдохнуть чуть глубже, и из темноты проступали крыши: острые, мокрые, покрытые медными шпильями. Дома теснились один на другом, как люди в очереди за последней надеждой. Между ними висел туман, густой и синий, будто ночь когда-то пытались растворить в воде, но она не согласилась.

Неба над городом не было. Вместо него тянулся чёрный потолок, исцарапанный тонкими белыми прожилками. Иногда они вспыхивали, и тогда на секунду становилось видно, что город бесконечен. Улицы уходили за горизонт, поднимались по вертикальным стенам, исчезали в арках и возвращались сами к себе. Ни поля, ни моря, ни края. Только камень, окна и темнота.

В центре стояла башня с часами.

Стрелки на них не двигались. На циферблате не было цифр — только три слова: «ПРИДИ. ОСТАНЬСЯ. ИСЧЕЗНИ».

Каждый раз из-за спины Айзека доносился женский голос.

— Не смотри на башню слишком долго.

Он оборачивался, но никого не видел. Лишь где-то на краю площади дрожала фигура девушки в чёрном пальто. Её лицо прятала тень, а в руках она держала бумажный пакет из магазина. Пакет шевелился, будто внутри было что-то живое.

— Кто ты? — спрашивал Айзек.

Город отвечал вместо неё: гасли окна, а потом загорались тысячи других — далеко, близко, высоко, под ногами. В каждом окне кто-то стоял. Люди, звери, существа с длинными руками, женщины с глазами без зрачков, старики с лицами, разделёнными на две половины тонкой молнией. Они не кричали. Просто смотрели.

Девушка поднимала голову.

И Айзек видел её глаза: серебряные, слишком светлые для этой ночи.

— Если увидишь меня в магазине, — говорила она, — не проси помощи.

После этого башня била один раз.

Айзек просыпался в своей комнате, в реальном мире, с привкусом железа во рту и с уверенностью, что за окном уже должен стоять город. Но за окном был только двор, жёлтый свет фонаря, мокрые машины и обычная улица, которая утром снова станет скучной.

Пять лет он считал этот сон повторяющимся кошмаром.

На шестой год он понял, что город ждёт.

Часть первая. Дорога, которой не было

Глава 1. Коллекционер тьмы

Айзеку было двадцать пять. Он жил в однокомнатной квартире на пятом этаже дома, который видел лучшие времена ещё до его рождения. Лифт скрипел, сосед сверху курил на лестнице, а зимой батареи грели так, будто мстили всем жильцам разом. Обычная жизнь, в которой ничего не обещало стать легендой.

Днём Айзек работал в небольшом сервисе по ремонту телефонов. Он менял экраны, вытаскивал из разъемов пыль, слушал, как люди жалуются на разбитые фотографии и пропавшие переписки. Вечером возвращался домой, заваривал крепкий чай и включал видео о заброшенных санаториях, пустых городах, нераскрытых убийствах и странных домах, куда никто не хотел заходить второй раз.

Его это не пугало. Скорее, успокаивало.

Он любил, когда у страха была форма: тёмный коридор, старый лифт, неизвестный голос на записи. В таких вещах хотя бы была честность. В отличие от обычной жизни, где люди улыбались, обещали позвонить и исчезали без объяснений.

На полке над столом стояли книги о городских легендах, старые фотографии кладбищ, дешёвая камера, которую он купил для ночных прогулок, и тетрадь без названия. В неё Айзек записывал сны о городе. Не потому что верил в них. Просто после записи сон чуть меньше давил изнутри.

В ту ночь он проснулся в 03:17 и сразу понял: сон изменился.

На подоконнике лежал мокрый лист бумаги. Окно было закрыто. На листе проступала схема из тонких чёрных линий: круг, разделённый на тринадцать секторов, и маленькое изображение башни в центре. Внизу кто-то вывел печатными буквами:

«ГОРОД ВПУСКАЕТ ТОЛЬКО ТЕХ, КТО УЖЕ ОДИН».

Айзек стоял над листом минут десять, не шевелясь. Потом коснулся чернил. Они не размазались. Пахло дождём, гарью и чем-то сладким, как подгоревшая карамель.

Он хотел выбросить лист. Даже взял его двумя пальцами, донёс до мусорного ведра. Но в этот момент телефон на столе сам включился.

На экране вместо привычной заставки появилась фотография, которой у него не было. Ночная улица. Фонарь. Трамвайные рельсы, уходящие в туман. И на дальнем плане — девушка с бумажным пакетом.

Почти всю ночь Айзек пытался найти объяснение. Вирус, взлом, чья-то тупая шутка. Утром он показал телефон коллеге Кириллу, но тот ничего не увидел: обычный экран, обычные приложения, обычная фотография с какой-то обложкой музыкального альбома.

— Ты опять не спал? — спросил Кирилл. — У тебя лицо как у человека, который всю ночь общался с призраком.

— Может, так и было.

Кирилл рассмеялся. Айзек тоже, но слишком поздно.

Вечером он поехал в старую часть города, где среди новых торговых центров ещё оставались дворы-колодцы, обломки кирпичных стен и закрытые проходы, о которых никто не помнил. Лист со схемой лежал во внутреннем кармане куртки. Камера висела на шее, хотя он не был уверен, что собирается что-то снимать.

Круг на бумаге совпал с планом улиц неожиданно точно.

Тринадцать секторов оказались тринадцатью перекрёстками. В центре был давно неработающий трамвайный разворот — круглый участок асфальта, обнесённый ржавыми перилами. Там не росла трава, хотя вокруг всё заросло. В центре круга стояла лужа, идеально чёрная даже под фонарём.

На бордюре кто-то оставил тринадцать коротких белых свечей.

Айзек оглянулся. Двор был пуст.

Он должен был уйти. Любой нормальный человек ушёл бы. Но мысль о том, что сон мог оказаться дверью, оказалась сильнее нормальности.

Он достал зажигалку.

Когда загорелась тринадцатая свеча, в луже дрогнуло отражение. Не его лицо. Не фонарь. Отражение башни.

А потом за спиной очень тихо прозвучало:

— Ты всё-таки пришёл.

Глава 2. Тринадцать свечей

Айзек не обернулся сразу. В фильмах люди оборачиваются слишком быстро, и от этого всё заканчивается плохо. Он держал зажигалку над ладонью, наблюдая, как огонь дрожит от ветра, которого не было.

— Если это шутка, — сказал он, — она слишком дорогая по времени.

Голос оказался женским, но не тем, из сна. Он доносился откуда-то справа, из темноты между гаражами.

— Шутки требуют зрителей. Здесь зрителей нет.

Айзек повернул голову. Между гаражами стояла пожилая женщина в длинном сером пальто. Лицо её он видел смутно, как через запотевшее стекло. На шее у неё висел ключ на красной нитке.

— Кто вы?

— Та, кто однажды не вошла.

Она посмотрела на свечи, и на её лице мелькнуло такое выражение, будто она увидела чужую могилу.

— Это ведь не реальный ритуал? — спросил Айзек. — То есть... я понимаю, как это звучит.

— Реальный мир — плохое название. Он слишком уверен в себе.

Женщина подошла ближе, но остановилась у края трамвайного круга.

— Город выбирает не тех, кто интересуется тьмой. Он выбирает тех, кому тьма отвечает. Ты слышал ответ давно.

Айзек сжал лист со схемой.

— Откуда вы знаете?

— Потому что у меня тоже был сон. Только я испугалась на последнем шаге.

— И что случилось?

— Я прожила нормальную жизнь. Вышла замуж за человека, которого не любила. Двадцать лет работала в аптеке. Похоронила сына. И каждую ночь думаю, что, может быть, испугалась не того.

Она усмехнулась, и от этой усмешки Айзеку стало холодно.

— Не путай смелость с любопытством, мальчик. Город никогда не даёт вторую попытку.

Чёрная лужа в центре круга стала глубже. В ней исчезли отражения свечей. Оттуда повеяло запахом мокрого камня, пыли и старых яблок.

— Что там? — спросил Айзек.

— Ноктум. Город без рассвета. Его нельзя найти на карте, но он может найти тебя. В нём живут те, кого вы бы назвали чудовищами. Они говорят, любят, молятся, растят детей, работают, предаются друг друга. Они считают свой город миром. А людей считают болезнью.

— Почему?

Женщина посмотрела ему прямо в глаза. Теперь Айзек увидел её лицо яснее: оно было молодым, совсем не старым, просто истёртым страхом.

— Потому что человек внутри Ноктума запускает отсчёт. Триста шестьдесят пять ночей. Если он доживёт до последнего удара башни, город исчезнет. Все улицы, все семьи, все мёртвые. Поэтому тебя будут искать.

— Тогда зачем вы пришли?

— Чтобы сказать тебе правду до того, как ты решишь, что это приключение.

Её рука дрогнула. Красная нитка на шее натянулась.

— Ты можешь уйти сейчас. Задуй свечи и забудь. Но если войдёшь, не вернёшься прежним. А если увидишь девушку с серебряными глазами — не верь ни её жалости, ни своей.

Айзек хотел спросить, что она имеет в виду. Но женщина сделала шаг назад и растворилась в темноте так тихо, будто её и не было.

Свечи погасли одновременно.

Всё вокруг на секунду стало обычным: трамвайный круг, лужа, гаражи, холодный двор. Айзек выдохнул и почти рассмеялся от облегчения.

Потом телефон в кармане завибрировал.

На экране было одно сообщение без номера:

«Последний шаг — не ногами».

В центре круга чёрная лужа поднялась вертикальной поверхностью. Она стала зеркалом, выше человеческого роста. В нём Айзек увидел себя — только отражение стояло в другом месте. За его спиной в отражении уже тянулись улицы Ноктума.

Он поднял ладонь. Отражение подняло ладонь тоже.

Секунду спустя отражение улыбнулось.

Айзек не улыбался.

Он отшатнулся, но поздно. Зеркальная поверхность развернулась и втянула его внутрь без боли, без удара, без падения. Мир выключился, как экран телефона.

А когда включился снова, под его ботинками был чёрный булыжник.

Глава 3. Город без рассвета

Первое, что Айзек услышал, был дождь.

Не настоящий дождь — капли не падали сверху. Они поднимались из мостовой, медленно отрывались от камня и улетали в чёрный потолок неба. В них отражались окна, фонари и его собственное лицо.

Он лежал на узкой улице между домами, настолько высокими, что их крыши терялись в тумане. По стенам шли трещины, из которых росли тонкие чёрные цветы. Они раскрывались без звука и тут же закрывались, когда Айзек пытался на них посмотреть.

Тело болело так, словно его долго тащили за собой по лестницам. В кармане были телефон, ключи от квартиры, тетрадь и зажигалка. Сети не было. Время на экране застыло на 03:17.

Он встал и почти сразу понял, что запах города нельзя описать одним словом. Мокрый камень, горячее железо, хлеб, плесень, цветы из трещин, кровь из разбитой губы. Всё смешивалось в воздухе, как будто Ноктум не умел решать, живой он или мёртвый.

Вдалеке загудел колокол.

Один удар.

Все окна на улице погасли.

Айзек застыл. Ему показалось, что тьма стала плотнее. Потом в конце переулка открылась дверь, и наружу вышел мужчина в длинном чёрном плаще. На лице у него была белая маска без глазниц. Он нёс под мышкой свёрток, из которого торчала маленькая рука с лишним пальцем.

Мужчина заметил Айзека.

Маска медленно повернулась.

— Не местный, — произнёс он удивлённо.

Айзек бросился бежать.

Он не думал о направлении. Просто мчался по улицам, которые каждый раз выбирали за него. Переулок вывел на лестницу, лестница — в арку, арка — на площадь с перевёрнутой статуей. По площади ходили существа: кто-то был почти человеком, кто-то слишком высоким, кто-то передвигался на длинных руках, не касаясь ногами земли. Они останавливались, провожали его взглядами, и в этих взглядах не было одной эмоции. Любопытство. Страх. Ненависть. Голод.

Кто-то закричал:

— Человек!

Слово разлетелось по площади быстрее птицы.

Айзек свернул к ряду закрытых лавок и заметил щель между двумя домами. Она была такой узкой, что в неё едва проходило плечо. Он протиснулся, сдирая кожу на ладони, и оказался в длинном тёмном дворе.

Там не было ни дверей, ни окон. Только мусорные баки из чёрного металла и силуэты труб на стенах. Айзек присел за один из баков, прижал ладонь ко рту, чтобы не дышать громко.

Снаружи прошли шаги. Много шагов.

— Он не мог далеко уйти, — сказал чей-то сухой голос.

— Он пахнет солнцем, — ответил другой. — Я чувствую.

— Солнце давно мертво.

— Для него — нет.

Айзек зажмурился. Сердце стучало в ушах так громко, что он был уверен: его услышат. И тогда из темноты двора раздался шёпот.

— Не двигайся.

Рядом с ним, в каких-то двух шагах, сидела девушка.

Она была в чёрном рабочем фартуке поверх тёмного платья, а на руках — тонкие серые перчатки. Волосы казались почти белыми в слабом свете, который сочился из трещины в стене. Она держала короткий нож, похожий на нож для разделки мяса.

Серебряные глаза смотрели на него спокойно.

— Если они увидят тебя, — прошептала девушка, — тебя разорвут на улицы.

— А ты кто?

Девушка наклонила голову.

— Та, кого ты должен был не просить о помощи.

Она подняла нож.

— И та, кто должна убить тебя первой.

Глава 4. Девушка с ножом

Нож не блестел. В Ноктуме вообще почти ничего не блестело — свет здесь словно боялся задерживаться на предметах. Лезвие в руке девушки было матовым, тёмным, с тонкой белой полосой вдоль края.

Айзек смотрел на него и думал не о смерти. Он думал, что эта сцена уже была во сне. Девушка, пакет, серебряные глаза. Только во сне она всегда стояла далеко, а теперь сидела напротив, пахла холодным хлебом и дождём, и её пальцы дрожали едва заметно.

— Ты понимаешь меня? — спросил он.

— К сожалению.

Снаружи скрипнула дверь. Девушка резко наклонилась к нему.

— Если закричишь, я действительно тебя убью.

Она схватила его за рукав и потянула к стене. Айзек хотел вырваться, но увидел, как её лицо изменилось. Не сильно. Почти по-человечески. Зрачки растянулись в вертикальные линии, кожа на скулах стала тоньше, а под ней на секунду проступили тёмные прожилки, похожие на трещины в стекле.

Девушка коснулась кирпичей. Между ними раскрылась узкая чёрная щель.

— Сюда.

За стеной оказался не проход, а пустота. Айзек шагнул внутрь и почувствовал, как темнота обволакивает его, холодная и густая. Он не видел собственного тела. Не чувствовал пола. Только ладонь девушки на своём запястье.

Снаружи голоса стали ближе.

— Здесь пахнет человеком.

— Здесь пахнет гнилыми трубами, — ответила девушка. Теперь её голос был раздражённым, усталым. — Если вам хочется нюхать мусор, делайте это без меня.

— Алисия, ты что-то видела?

Айзек запомнил имя раньше, чем успел испугаться.

— Видела, как вы опять не умеете искать.

— Это не игра. Весь квартал уже знает.

— Тогда ищите в квартале.

Тишина растянулась. Потом кто-то тихо засмеялся.

— Тебе всё равно, пока беда не заглянула в твою дверь.

— Беда каждое утро живёт у меня на кухне, — сказала Алисия. — Мы давно знакомы. Шаги удалились.

Через несколько секунд темнота вокруг Айзека поредела. Он снова стоял в дворе, но город за стеной как будто отдалился. Алисия отпустила его руку и сразу приставила нож к его горлу.

— Я не сделала тебе одолжение, — сказала она. — Я просто не хочу, чтобы они нашли тебя здесь.

— Почему?

— Потому что это мой двор.

— Ты собиралась меня убить.

— Собиралась.

— А сейчас?

— Сейчас я ещё думаю.

Она смотрела на него так, будто пыталась увидеть, сколько в нём стоит спасти. Айзек почувствовал злость. Страх толкал его на неё, но злость удержала.

— Я не просил сюда попадать.

— Все так говорят.

— Я видел этот город во сне.

Алисия замерла.

— Что именно ты видел?

— Башню. Площадь. Тебя. Ты сказала, чтобы я не просил помощи.

Нож опустился на пару сантиметров.

— Это невозможно.

— Я тоже так думал.

Девушка отвернулась. За её спиной по стене медленно текла тень — не от фонаря, не от предмета, а сама по себе. Она поднялась до её плеч и исчезла в волосах.

— Здесь невозможно многое, — сказала Алисия. — Но город любит спорить.

Она достала из кармана маленький металлический жетон с выдавленным знаком: полу-месяц, в который вбит гвоздь.

— Возьми. Если тебя остановят, скажи, что работаешь на магазин «Последняя полка». И никому не показывай, что не знаешь улиц.

— Это поможет?

— Нет. Но даст тебе несколько секунд.

— А ты? Кто ты?

— Алисия.

— Я Айзек.

— Я знаю, что ты Айзек. Город произнёс твоё имя в трубах полчаса назад.

От этих слов он почувствовал настоящее одиночество. Не то, которое бывает дома, когда никто не пишет. Здесь его знали все, хотя он никого не знал. Он был не человеком в чужом городе, а сигналом тревоги.

Алисия заметила, как он побледнел, и на мгновение в её лице мелькнуло сочувствие. Потом оно исчезло.

— Тебе нельзя стоять на открытых улицах. И нельзя возвращаться туда, откуда пришёл. В первый месяц город ещё терпит. Потом начнёт показывать тебя каждому, кто умеет смотреть.

— А если я найду путь назад?

— Найди, — сказала она. — И уйди до того, как я передумаю.

Она повернулась, чтобы уйти. Айзек схватил её за рукав.

— Подожди.

Алисия посмотрела на его руку. Её взгляд стал очень холодным.

— Ты делаешь большую ошибку.

— Я не знаю, где я. Не знаю, что здесь едят, кому можно верить. Ты единственная, кто не убил меня за первые десять минут.

— Это не достижение, Айзек.

— Для меня сейчас — почти рекорд.

Уголок её губ дрогнул. Не улыбка, только память о ней.

— До следующего колокола тебе нужно уйти на запад, — сказала Алисия. — Там есть тоннель под домом с разбитой вывеской. В тоннеле не смотри в окна. И если услышишь, как тебя зовёт мать, не отвечай. Даже если голос будет настоящий.

— А если она правда здесь?

Алисия долго смотрела на него.

— Тогда ей особенно нельзя отвечать.

Она исчезла за дверью, из которой минутой раньше вышел человек в белой маске.

Айзек остался один с жетоном в ладони и с ощущением, что только что встретил человека, который может его спасти.

Или убить так, что это будет хуже.

Глава 5. Неделя, которой не было

В Ноктуме не было утра. Не было полудня, вечера, ночи — была только разная глубина темноты. Иногда фонари светили желтее, иногда туман становился густым, а колокола били через равные промежутки. Так местные измеряли время.

В первую ночь Айзек спал в тоннеле под домом с разбитой вывеской. Он не смотрел в окна, хотя из них шептали знакомые голоса. Сначала мать звала его домой. Потом Кирилл ругался, что он снова не вышел на смену. Потом кто-то очень тихо произнёс его имя голосом Алисии.

Он не ответил.

На вторую ночь он нашёл воду. Она текла из крана в общественной умывальне на пустой площади. Вода была тёплой, с металлическим привкусом, но после нескольких часов жажды показалась лучшей вещью в мире. На стене над раковиной углём было написано: «Не пей после третьего гудка». Айзек выпил до второго.

Еду он нашёл в мусорном баке у пекарни. Серый хлеб, похожий на камень, и четыре маленьких фрукта с чёрной кожурой. Хлеб оказался мягким внутри и пах дымом. Фрукты лопнули во рту холодной сладкой жидкостью. После них ему два часа казалось, что в стенах живут сердца.

На третью ночь его заметили.

Это случилось на улице Сломанных Зонтов, где над мостовой висели десятки раскрытых чёрных зонтов. Ни один не был привязан. Они плавали под потолком улицы, медленно вращаясь в воздухе.

Айзек шёл быстро, стараясь не смотреть никому в лицо. Впереди женщина в красном пальто покупала у ларька рыбу с человеческими зубами. Рядом двое детей спорили из-за игрушки — тряпичной куклы, которая плакала настоящими слезами. По дороге проехал трамвай без водителя; в его окнах сидели пассажиры, у которых были слишком длинные шеи.

Это было страшно, но страшнее оказалось то, насколько всё выглядело буднично.

— Человек, — произнёс кто-то за его спиной.

Айзек не побежал. Алисия сказала не выдавать незнание улиц, а бегущий человек всегда знает меньше остальных. Он свернул в проход между лавками и заставил себя идти медленно. Шаги шли за ним.

Он увидел тень от зонта на стене. Она была шире, чем должна, и тянулась вниз до самой земли. Айзек шагнул в неё просто потому, что дальше идти было некуда.

Тень закрылась над ним.

Внутри не было темно. Внутри было тихо. Город снаружи стал плоским, как отражение в чёрном стекле. Айзек видел улицу, но никто на улице не видел его. Существо с лицом, усыпанным мелкими глазами, прошло совсем рядом и остановилось.

— Где он? — спросило оно.

Тень вокруг Айзека дрогнула. Он задержал дыхание.

Существо наклонилось к стене. Его десятки глаз моргнули в разном порядке.

— Здесь пусто, — сказала оно наконец.

Когда оно ушло, Айзек ещё долго не двигался. Потом осторожно вышел из тени. Она тут же стала обычной: плоской, тонкой, невозможной для укрытия.

Он понял, что может прятаться.

Не всегда. Не в любой тени. Но город словно не замечал его там, где света не хватало. Будто его собственный страх знал дорогу лучше, чем он сам.

На четвёртую ночь он увидел Алисию в окне магазина.

Над дверью висела выцветшая вывеска: «ПОСЛЕДНЯЯ ПОЛКА. ПРОДУКТЫ. ТОВАРЫ ДЛЯ ДОМА. МЕЛКИЕ КЛЯТВЫ». Внутри было тепло. На полках стояли банки с тёмным мёдом, бутылки с водой, в которой медленно плавали голубые огоньки, бумажные пакеты с хлебом, связки сухих трав и коробки с этикеткой «Соль для чужих дверей».

Алисия раскладывала яблоки. Они были белыми, как кость.

Она заметила его через стекло. Лицо у неё стало злым.

Айзек поднял ладони, показывая, что не собирается входить. Она поставила яблоко на полку, сказала что-то покупателю и резко вышла на улицу.

— Ты идиот? — спросила она.

— Я хотел есть.

— В городе полно мест, где можно есть.

— Не таких, где продавец уже пытался меня убить.

— Не напоминай. Я и так помню.

Он посмотрел на магазин.

— Ты здесь работаешь?

— Удивительно, да? Монстры тоже ходят на работу. У нас даже бывают плохие смены.

— Я думал, ты... не знаю. Из охотников.

— Я работаю с продуктами. Это почти то же самое, только люди меньше жалуются, когда им продают испорченное.

Она хотела захлопнуть дверь, но из глубины магазина донёсся голос:

— Алисия, у тебя посетитель?

За кассой стояла маленькая женщина с четырьмя руками и седыми волосами, собранными в строгий пучок. Она смотрела на Айзека с таким интересом, словно он был не приговором, а новым видом упаковки.

— Нет, — быстро сказала Алисия. — Это ошибка.

— Ошибки обычно не стоят на улице и не выглядят голодными.

Алисия закрыла глаза.

— Заходи. На пять минут. Если кто-то спросит, ты грузчик.

— Я не умею быть грузчиком.

— Здесь это не специальность. Это диагноз.

Так Айзек впервые вошёл в «Последнюю полку».

Глава 6. Городские правила

Магазин пах хлебом, пылью и дождём, который никогда не падал сверху. Здесь всё было похоже на обычный продуктовый, если не смотреть слишком внимательно. У кассы висели объявления: «Не кормить детей Шва с рук», «Возврат воспоминаний — только по чеку», «Скидка на погребальные свечи по вторникам». В дальнем углу ворчал холодильник, внутри которого лежали куски льда с застывшими в них маленькими лицами.

Алисия провела Айзека в подсобку.

— Сядь, — сказала она. — И не трогай ничего синее.

На столе стояла тарелка с хлебом и кружка тёплой воды. Айзек сел и впервые за несколько дней почувствовал, что ноги у него могут не бежать.

— Почему ты помогаешь? — спросил он.

— Я не помогаю. Я уменьшаю хаос.

— Звучит как помощь.

— Не обольщайся.

Она сняла перчатки. Пальцы у неё были человеческими, только суставы чуть длиннее. На запястьях виднелись тонкие чёрные линии, будто кто-то когда-то связал её нитями и потом забыл снять.

— Тебе надо знать правила, — сказала Алисия. — Их много, но основные простые. Первое: не отвечай на вопрос, если тебе его задают три раза подряд. Второе: не обещай того, чего не сможешь выполнить до следующего колокола. Третье: если дверь открывается сама, не входи. Четвёртое: не называй Ноктум тюрьмой. Город слышит.

— А пятое?

Алисия посмотрела на него так, что он понял: это главное.

— Не дай им узнать, сколько времени ты здесь.

— Они и так знают, что я человек.

— Знают. Но пока не знают день входа. Это даёт тебе шанс.

Из-за двери послышались осторожные шаги. Алисия напряглась.

В подсобку заглянула четырёхрукая кассирша. В одной руке она держала чайник, в другой — ножницы, в двух остальных — пакет с печеньем и журнал.

— Я не буду спрашивать, кто он, — сказала она. — Но скажу, что у него лицо человека, который хочет жить. Такие обычно долго не живут.

— Матрона Эдда, — сквозь зубы произнесла Алисия.

— Что? Я поддерживаю беседу.

Эдда поставила на стол пакет.

— Это печенье из тёмной муки. Для гостя. И да, в квартале уже ходят Собиратели Света. Айзек взглянул на Алисию.

— Кто это?

Эдда ответила раньше неё:

— Люди, которые считают, что порядок важнее жизни. У них красивые плащи, мерзкие молитвы и большой опыт убийств. В нашем городе много разных народов, мальчик. Есть обычные семьи, есть лавочники, есть воры, есть те, кто строит дома, и есть те, кто уверен, что любой чужой должен исчезнуть ради общего блага.

— Он не чужой, — тихо сказала Алисия.

Эдда повернула к ней все четыре ладони.

— Алисия.

— Я не это имела в виду.

— Конечно.

Айзек заметил, как Алисия отвела взгляд. В её резкости была не ненависть, а усталость человека, которому слишком часто приходилось выбирать сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.